

Заключительное слово докладчика

А.И. Фурсов

Уважаемые коллеги! Хочу поблагодарить вас за внимание, за вопросы, за участие в дискуссии и за ваше несогласие с рядом моих тезисов. Как говорил покойный Ференц Фехер, именно несогласие делает жизнь стоящей штукой. Я тоже сейчас буду не соглашаться и возражать по существу, двигаясь в порядке, обратном выступлениям.

В.М. Межуев нарисовал замечательное будущее в духе коммунистов-утопистов. Ваша, Вадим Михайлович, картина — это царство свободы в духе греков, у которых, правда, свобода меньшинства обеспечивалась рабством большинства. Но это, оказывается, мелочи; главное — свобода, особенно если принадлежишь к меньшинству или рассуждаешь с его позиций — примерно так рассуждает наша либеральная интеллигенция о ситуации, сложившейся в последние 20 лет, о временах горбачевщины и ельцинщины. Но это к слову.

Если же говорить предметно о том Модерне, который Вы обнаруживаете у греков, то **такой** Модерн можно найти в истории любой цивилизации — китайской, индийской, мусульманской. Он входит почти обязательной фазой в развитии любой цивилизации. При этом, однако, суть Модерна как конкретно-исторического явления, как момента в развитии ядра капиталистической системы, как социокультурной формы превращения европейской мир-системы в мировую, а капитализма — в формацию ускользает. Или кто-то может предложить иную суть Модерна, не связанную с капитализмом? Сомневаюсь.

Относительно примера А.И. Соловьева. Должен Вам заметить, Александр Иванович, как мы не умели играть в футбол до прихода Гуса Хиддинга, так и сейчас не умеем; результат и игра — разные вещи. А вот в 1956 г., когда мы выиграли

Олимпийские игры в Мельбурне; в 1960 г., когда стали чемпионами Европы в Париже; в 1964 г., когда в Мадриде взяли второе место в европейском первенстве; в 1966 г., когда заняли четвертое место на чемпионате мира в Лондоне, — Хиддинга у нас не было, зато у нас были «звезды», свои великолепные тренеры и была игра мирового уровня — короче, был свой футбол со своей весьма приличной организацией. Хиддинги нам понадобились после того, как советский, а затем российский футбол развалили «до основанья, а затем», и на эти руины пришлось приглашать варягов.

Теперь вопрос о том, что нам надо, как другим встраиваться в капсистему. Я думаю, что А.И. Соловьев в качестве места встраивания имеет в виду, конечно же, не периферию (полупериферию) капсистемы — мы и так в этой зоне, — а ее ядро. Вопрос: кому в истории капитализма удалось встроиться в ядро системы, прорваться туда? Таких «неестественных» примеров — два (естественных нет), это Япония и Италия. Что касается Японии, то ее в ядро встроили американцы по политическим причинам. Германия уже в начале XX в. была элементом ядра, и США, опять же по политическим причинам, разрешили Германии занять ее законное место.

Интересна ситуация с Италией. Дело в том, что после 1945 г. из ядра капсистемы выпали три индустриальные зоны, оказавшиеся в социалистическом лагере: Чехия, Венгрия и Словения. Италия заполнила освободившуюся нишу, и опять же не обошлось без политики: в 1945–1952 гг. была очень велика возможность прихода в той или иной форме к власти коммунистов в этой стратегически важной для Запада стране — и США вкладывали в Италию значительные средства — как официально (займы, кредиты), так и скрытно (по линии ЦРУ, через Ватикан и т. д.).

Кроме Японии и Италии нет ни одного случая успешного занятия «новичком» места в ядре капсистемы. Вообще хочу подчеркнуть: исторические прорывы — по крайней мере, за последние 3–5 тыс. — лет не происходят путем встраивания

в старые системы, адаптации к ним, они происходят только путем создания новых систем и разрушения старых. Так возникли феодализм, капитализм и, конечно же, советский коммунизм.

Я категорически не согласен с Вашим утверждением, Александр Иванович, о том, что социализм номенклатуры был социализмом для своих, для ограниченного круга. Это просто не соответствует действительности. Занятость, медицина, образование — все то, что мы потеряли за последнюю четверть века, — лишний раз свидетельствует о том, что это не был социализм только для номенклатуры. Да, было неравенство, и со второй половины 1970-х гг., после того как в страну пришли 180 млрд нефтяных долларов, которые некий многосоставный социальный кластер разделил между собой, оно росло. Но даже на рубеже 1970–1980 гг. децильный коэффициент был 3:1. Сегодня официально децильный коэффициент 15:1, а в реальности — в два раза больше. Это в сегодняшней РФ мы имеем не капитализм, а скорее криминальный «социализм» для своих. В этом плане периферийная РФ забежала вперед и — как это не раз бывало с Россией — показывает миру кое-что из ее будущего, один из возможных вариантов, а именно — социализм для «ограниченного социального контингента», для «золотого миллиарда» в миниатюре.

Вы говорите об адаптивных возможностях капитализма. Но, во-первых, в основе этих адаптивных возможностей лежит неэквивалентный обмен — возможность с помощью военной, финансово-экономической, а сегодня еще и информационной силы грабить колонии и полукolonии, а теперь — деградирующий Юг. Как это делается — конкретно описано во многих работах, например, в трилогии Дж. Перкинса («Исповедь экономического убийцы», «Игры экономических убийц», «Тайная история американской империи»). Во-вторых, именно в последние десятилетия адаптивные возможности капитализма дают сбой; в 1990-е гг. проблемы от-

части решило, отчасти смягчило крушение СССР и дальнейшее ограбление бывшей социалистической зоны — прежде всего РФ, — но в «нулевые» годы острота проблем вернулась. Нынешний кризис, при всей его рукотворности, — одно из ярких свидетельств этому.

С.С. Сулакшин говорит, что у гуманитариев есть проблемы — например, методологические. Абсолютно верно, есть. Я — один из самых жестких критиков гуманитариев и гуманитарщины в этом плане. Но должен вернуть Вам Ваш аргумент: проблемы — и серьезные — есть у представителей математики и естественных наук, и это не столько их вина, сколько их беда. И все же. Например, я представляю, насколько слабо, а порой топорно преподавали общественные дисциплины естественникам. Тем не менее, даже при таком преподавании, например, политэкономии, кое-что можно и нужно было уловить, используя общенаучную методологию, принцип системности. Например, нетождественность капитала деньгам, капитала — денежному капиталу, т. е. сути — одной из форм. Капитал — это не деньги, это материальные факторы, которые имеют денежное выражение и могут превращаться в деньги. Капитал есть овеществленный труд, реализующий себя как (само) возрастающая стоимость.

Ростовщический (купеческий, денежный) капитал и торговля существовали задолго до капитализма, до формационного капитала, имеющего индустриальную форму и эксплуатирующего наемный труд с целью увеличения прибыли (отсюда — целая система институтов, обеспечивающих по-разному этот процесс в разных частях капсистемы).

Вы говорите, что капитал существовал во всех обществах. Но какой капитал? Денежный — да. Но он, во-первых, не конституирует капитализм, иначе мы имели бы капитализм во всех обществах — вечный капитализм.

Далее. С количественным подходом В.Э. Багдасаряна к кризису и кризисам я категорически не согласен. Вы берете кризисную эпоху и начинаете высчитывать: этот год был

кризисным? А эта часть мира испытывала кризис? Начну с вопроса: у Вас есть «кризисометр»? На каком основании Вы делаете вывод, что данная часть мира не переживает кризис? Я могу помочь и сказать, что, например, в кризисную эпоху Тридцатилетней мировой войны 1914–1945 гг. кризис точно не переживали бушмены, готтентоты и пигмеи в Африке, племена Зондского архипелага и амазонской сельвы. **Практически** не переживали ни войну, ни кризис многие народы, не участвовавшие в войне. Лишает ли это нас права называть эпоху 1914–1945 гг. военной и кризисной?

Аналогичным образом обстоит дело с кризисом «длинного XVI века» (1453–1648 гг.) или кризисом Римской империи III в. н. э. По Вашей логике, мы должны «отжать» кризис в пространстве и времени, зафиксировав годы (боюсь, этим не ограничится, придется перейти на уровень дней) и местности, для которых сохранить понятие «кризис», а остальные отправить в «бескризисность». Или возьмем мировую войну 1939–1945 гг. Разве военные действия шли постоянно? Были периоды затишья, а что касается первых десяти месяцев войны («странная война»), то военных действий по сути не было. Будем из-за этого отсчитывать Вторую мировую войну с мая 1940 г.?

То же с эпохами. Мы говорим «эпоха Просвещения». Автор одной из лучших работ об этой эпохе, Пьер Шоню заметил: подавляющее число жителей Европы 1680–1780 гг. весьма удивились бы, узнав, что живут в некую новую эпоху, поскольку более 90% жили так же, как и в XV–XVII вв., а то и раньше. Так что же, отказаться от понятия «эпоха Просвещения» или оговориться, что она распространяется на 10% населения и 10% территории Европы? Боюсь, что так мы можем прийти до абсурда.

Далее. Мы говорим о русских революциях 1905 г. и 1917 г., о революционной эпохе, но ведь подавляющая часть людей не только не участвовали в революционном движении в эти 12 лет, но даже не были затронуты его воздействием. Отка-

жемся от понятия «революционная эпоха»? Или будем высчитывать число людей, минуты и квадратные метры?

Я уже не говорю о капиталистической эпохе XVII в. — начала XVIII в. В XVII в. капитализм (причем будучи всего лишь формальным подчинением труда капиталу, без индустриального производства) занимал пяточок земной территории, на котором жили, дай Бог, 5–7% населения; то же — в XVIII в. Еще в 1820 г. Китай по объему ВВП в два раза превосходил Западную Европу (а кроме Китая были Россия, Северная и Южная Америки, Индия, мусульманский мир и много чего другого), т. е. подавляющая часть мирового ВВП создавалась не капитализмом, а подавляющая часть мирового населения жила вне капитализма и ее жизнь определялась не капиталистическим укладом. И что, XVII–XIX вв. — это не эпоха капитализма?

Как говорил Эйнштейн, мир — не количественное понятие, а качественное. Целое — не сумма составляющих его элементов. Абстракция, теоретическое обобщение — не сумма эмпирических обобщений.

Я согласен с Г.Г. Малинецким, когда речь идет о «техногенной цивилизации». Однако назовите мне иную систему (формацию), кроме капиталистической, которая создает «техногенную цивилизацию». Таких просто нет. Техногенность — один из аспектов капитализма, будь он со знаком «плюс» или «минус».

Б.В. Межуев сказал, что в моей схеме Модерн — это следствие базиса. Нет, я вообще не пользуюсь словами «базис» и «надстройка» как терминами, только как метафорами. Вместо диады «базис — надстройка» у меня триада производительных сил: материальных, социальных и духовных, и их субординация носит нелинейный характер. Модерн — это аспект капитализма как тотальности, как единства развития капитализма и им же порожденного самоотрицания.

Вы ставите вопрос: а почему Запад, США не могут насильственным путем решить свои проблемы? Ирак и Афганистан дают ответ: не могут, потому что сил не хватает; причем двух

этих стран оказалось достаточно для имперского перенапряжения. Более «экономичны» мирные и тайные формы борьбы. Например, легче купить и/или «перезагрузить» верхушку, чем воевать. Кстати, глобализация и есть отъем продукта, не прибегая непосредственно к военной силе. И еще одно: милитаризация отношений с Югом может выдвинуть в западной верхушке на первый план совсем другие группы. Этого, кстати, еще в начале 1950-х гг. опасался Эйзенхауэр, полагавший, что военный конфликт с СССР может превратить США в «гарнизонное государство» со всеми вытекающими последствиями для раскладов внутривластной элиты.

Что касается Аттали, то, думаю, таким как он идеологам посткапиталистического мира после революции гиперномадов места в нем не будет: революции пожирают своих детей, и прежде всего идеологов. Судьбы Кондорсэ и Сен-Жюста, Троцкого и Бухарина здесь показательны. Думаю, доживи Аттали до «нового прекрасного мира» гиперномадов, его голова могла бы покатиться одной из первых, как голова масона Фулона в начале Французской революции.

Я готов согласиться с Д.С. Чернавским, что информационный и классовый подходы не противоречат друг другу, по крайней мере, не во всем. Но дело в том, что классовость далеко не всегда проявляется в «базисном», часто — в «надстроечном», если пользоваться энгельсовской терминологией, или иначе: не всегда в материальном, но часто в социальном и духовном. Нередко, как показывают социальные, т. е. гражданские войны, в том числе наша, люди защищают не собственность, которой у них нередко нет, а образ жизни, социальные связи, ценности, идеалы. Разумеется, на это способны не все, и Валлерстайн, заметивший однажды, что ценности становятся весьма эластичными, как только дело доходит до власти и прибыли, прав для значительной части человеческой популяции. Но не для всей.

Еще раз благодарю всех участников нашего семинара за интересное обсуждение!